

ОТКУДА ЖЕ МЕТОД БЕРЕТСЯ? О САМОДОСТАТОЧНОСТИ СЕМИОТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

С. Т. Золян

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236016, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 05.03.2023 г.
Принята к публикации 29.04.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-8

Обосновывается неудовлетворительность рассмотрения семиотики как экстраполяции лингвистического метода на неязыковые объекты. Показан двойственный и рекурсивный характер семиотических терминов. Объектом семиотики выступают не знаки сами по себе, а процессы установления знаковых отношений (семиозис и семиопойэзис). Учитывая динамический характер семиозиса, знаки следует рассматривать не как объекты из заданного словаря, а как процессы. Поэтому для семиотики столь важно обращение к текстам и контекстам. Это тот существенный пункт, где она может дополнить лингвистику. Социальная семиотика и поэтическая семантика с разных позиций демонстрируют то, что деятельность говорящего – это не воспроизведение знаков, а знакопорождение. С другой стороны, биосемиотика и молекулярная генетика предоставляют возможность уяснить логику внутренних закономерностей семиозиса и убедиться в том, что знакопорождение есть имманентное свойство системы управления информационными процессами и может не предполагать обладающего сознанием субъекта. При этом лингвистические описания могут быть разнонаправленными и ориентированными либо на внешние по отношению к системе сигнификативные функции, либо на внутренние системные взаимоотношения.

Ключевые слова: *Ф. де Соссюр, Ю.М. Лотман, Л. Ельмслев, И.И. Ревзин, А.В. Циммерлинг, семиотика в отношении к лингвистике, семиозис, знак*

1

Статья Антона Циммерлинга (далее: А.Ц.) – свежее слово в изучении древнерусского языка. Помимо достигнутых эмпирических результатов, она демонстрирует принципиальную беспредельность лингвистических изысканий, когда новая исследовательская оптика помогает увидеть новые факты. В данном случае – благодаря совмещению описания синтаксических характеристик с семиотическими (семантико-функциональными). При этом А. Ц. поднимает ряд вопросов, касающихся соотношения между лингвистикой и семиотикой, за что ему особая признательность. Их обсуждение и прояснение давно назрело, а царящий в методологии сумбур зачастую ведет к непониманию даже между экспертами, работающими в одной и той же области. Благодарим его и за смелость посвятить статью вопросу, на который, казалось бы, обязан ответить первокурсник. Разумеется, лингвистика не семиотика, лингвистика – это наука о языке, а семиотика – о знаках и зна-

ковых системах, скажет он. Но что дозволено первокурснику, не следует повторять его преподавателям: дальше возникают проблемы, удовлетворительное решение которых можно найти далеко не всегда. Автор это убедительно демонстрирует — не только предлагаемыми им результатами, но и указывая на те методологические ловушки, в которые нетрудно угодить, если следовать расхожим формулам. А.Ц. четко формулирует проблему, в ряде случаев сводя ее либо к тривиальности, либо к абсурду, тем самым избавляя от бесплодных обсуждений.

Однако сам автор также попадает в первую же из терминологических ловушек. Это — двусмысленность, что понимать под семиотикой. Подобно ряду терминов (напр., *грамматика*), он допускает двойное понимание — это и дисциплина, изучающая знаковые феномены, и сами знаковые феномены: «Семиотика как наука о семиозисе столь же отлична от семиозиса, как любая наука от своего объекта» (Моррис, 1983, с. 43–44)¹. Семиотика кино может означать знаковые отношения, характерные для кинематографа (так следует понимать заглавие книги Ю.М. Лотмана «Семиотика кино»), или же отдельную отрасль семиотики, где объектом изучения оказывается кинематограф. Отсюда неконгруэнтность двух составляющих статьи — там, где говорится о соотношении лингвистики и семиотики, семиотика понимается как дисциплина, но при изучении особенностей частицы *ти-* под семиотическим понимаются, скорее, ее сигнификативные характеристики. Возможно, это смешение приводит автора к, казалось бы, уже давно оставленной идее об отсутствии у семиотики своего объекта. То, что было оправданным в 60-е годы прошлого века, вряд ли имеет смысл некритически воспроизводить сейчас. Вопрос не в хронологии, а в методологии — на наш взгляд, мысли Соссюра и Ельмслева не утратили актуальности, и именно они позволяют ввести обсуждение в конструктивное русло.

А.Ц., ссылаясь на Юрия Лотмана, дважды приводит определение, на самом деле предложенное в 1966 году И. И. Ревзиным:

В настоящей статье семиотика вслед за (Лотман, 1964) понимается как программа описания всех или большинства *знаковых систем* как вторичных по отношению к естественному языку (Циммерлинг, 2023, с. 126).

Примем, что семиотика как программа исследований экстраполирует принципы описания естественного языка на другие знаковые системы, которые понимаются как вторичные (Лотман, 1964; Ревзин, 1971) (Циммерлинг, 2023, с. 129–130).

---

¹ Возможно, имело смысл учесть замысел Ельмслева сохранить предложенный Соссюром термин *семиология* за научной дисциплиной, а *семиотикой* называть знаковые процессы, хотя у самого Ельмслева это противопоставление представлено в более сложной форме: «В соответствии с терминологией де Соссюра мы можем определить семиологию как метасемиотику, семиотический объект которой есть ненаучная семиотика. И наконец, мы можем использовать обозначение метасемиология для мета-(научной) семиотики, семиотические объекты которой суть семиологии» (Ельмслев, 2006, с. 140).

Здесь налицо вышеуказанное смешение, поскольку А.Ц. объединяет два характерных для Тартуско-Московской школы определения: 1) определение семиотики как экстраполяции лингвистического метода на нелингвистические объекты; и 2) определение вторичных моделирующих систем как использующих естественный язык в качестве плана выражения; или — что шире — как надстраиваемых над естественным языком. Соответственно, семиотика — это не столько наука, или дисциплина, поскольку не обладает ни объектом исследования, ни методом, сколько *программа*. Оставим в стороне то, что тем самым игнорируются все те направления семиотики, которые не соотносят знаковые системы с естественным языком. (например, согласно Пирсу, «Логика, в своем наиболее общем смысле, всего лишь иное название семиотики» (Пирс, 2000, с. 176). Само сведение научной дисциплины к некоторой, пусть весьма широкой, программе исследований — явное упрощение и недопонимание, приписанное Юрию Лотману.

Такой подход к семиотике — как экстраполяции лингвистических методов на нелингвистические объекты — в качестве рабочей гипотезы в самом деле получил широкое распространение в Московско-Тартуской школе, в том числе был принят и Ю.М. Лотманом. Но при этом никогда не забывали указать на его автора, и это был не Ю.М. Лотман, а рано, к сожалению, ушедший блестящий лингвист Исаак Иосифович Ревзин (1923—1974). Поэтому вместо пересказа воспроизведем иностранный фрагмент из программной статьи Ю.М. Лотмана «Семиосфера»:

Общеизвестно, что у истоков семиотики лежат две научные традиции. Одна из них восходит к Пирсу — Моррису и отправляется от понятия знака как первоэлемента всякой семиотической системы. Вторая основывается на тезисах Соссюра и пражской школы и кладет в основу антиномии языка и речи (текста). Однако при всем отличии этих подходов в них есть существенная общность: за основу берется простейший, атомарный элемент и все последующее рассматривается с точки зрения сходства с ним. Так, в первом случае в основу анализа кладется изолированный знак, а все последующие семиотические феномены рассматриваются как последовательности знаков. Вторая точка зрения, в частности, выразилась в стремлении рассматривать отдельный коммуникативный акт — обмен сообщением между адресантом и адресатом — как первоэлемент и модель всякого семиотического акта. В результате индивидуальный акт знакового обмена стал рассматриваться как модель естественного языка, а модели естественных языков — как универсальные семиотические модели, самое же семиотику стремились истолковать как распространение лингвистических методов на объекты не включавшиеся в традиционную лингвистику. Эту точку зрения, восходящую к Соссюру, с предельной четкостью выразил покойный И.И. Ревзин, предложивший в прениях на второй Летней школе по вторичным моделирующим системам в Кяэрику (1966) такое определение: «Предметом семиотики является любой объект, поддающийся средствам лингвистического описания» (Лотман, 1984, с. 5).

Заметим, что И.И. Ревзин вовсе не предлагал *программу изучения нелингвистических объектов методами лингвистики* — он лишь пытался

определить, какие объекты могут считаться предметом семиотики (а изучать их можно, видимо, и иными методами). Уже позднее И.И. Ревзин эксплицировал свою точку зрения:

...семиотика представляет собой — с точки зрения автора данной статьи — лишь распространение методологии современной лингвистики на другие области знания. Строго говоря, предмет семиотики может быть определен только через ее метод (по-видимому, аналогичное положение в математике и таком ее распространении, как кибернетика). Объективному ходу развития семиотики соответствует следующее индуктивное определение предмета семиотики:

Базис определения. Естественный язык является предметом семиотики.

Индуктивный шаг. Все, что может быть описано при помощи совокупности современных методов описания некоторого предмета семиотики, является предметом семиотики.

Заключение. Других предметов семиотики не существует (Ревзин, 1971, с. 335).

Как видим, экспликация посредством квазиаксиоматического определения выявляет ряд спорных положений. В первую очередь, это принимаемое как догма положение об отсутствии у семиотики собственного объекта. Второе — неявным образом вводится то, что само подлежит экспликации: это *совокупности современных методов описания некоторого предмета семиотики*, то есть языка (кто и когда задал эту совокупность как объект аксиоматики?). Третье — хотя заявлено, что *семиотика есть распространение методологии современной лингвистики на другие области знания*, но из самой аксиоматики лингвистика исчезла, поскольку оказалась лишена своего предмета, переданного в введение семиотики естественного языка.

Популярность подобного подхода среди семиотиков была не «от хорошей жизни» и, видимо, объяснялась тем, что она создавала иллюзию теоретического обоснования в отсутствие самой теории. Приведем (само-)ироничное свидетельство Александра Пятигорского:

...семиотика не имела и своей теории, теории как *рефлексии* над методологическими предпосылками. Более того, господствовала тенденция (которая тогда мне очень нравилась) принимать за теорию метод описания объекта, с одной стороны, а с другой — приписывать этому методу онтологические черты (что мне нравилось еще больше) (Пятигорский, 1994, с. 325).

Подход И.И. Ревзина мог быть полезен в начале формирования Московско-Тартуской школы, когда исследователи из разных областей знания только нащупывали свой предмет и находились под влиянием доминировавшей в сфере гуманитарного знания структурной лингвистики (о лингвистических взглядах Ю.М. Лотмана см.: (Золян, 2022; Zolyan, 2021)). К началу 1980-х такой подход уже не мог считаться адекватным, Московско-Тартуская семиотика (мы незаслуженно обходим вниманием другие интересные направления тех лет) перестает дублировать лингвистические модели описания, а создает собственные исследовательские конструкты. Наибольшую известность приобрела

лотмановская концепция семиосферы. При всем уважительном отношении к подходу И. И. Ревзина Ю. М. Лотман говорит о его ограниченности:

Такой подход отвечал известному правилу научного мышления: восходить от простого к сложному — и на первом этапе безусловно себя оправдал. Однако в нем таится и опасность: эвристическая целесообразность (удобство анализа) начинает восприниматься как онтологическое свойство объекта, которому приписывается структура, восходящая от простых и четко очерченных атомарных элементов к постепенному их усложнению. Сложный объект сводится к сумме простых.

Пройденный за последние двадцать пять лет путь семиотических исследований позволяет на многое взглянуть иначе. Как можно теперь предположить, четкие и функционально однозначные системы в реальном функционировании не существуют сами по себе, в изолированном виде. Вычленение их обусловлено лишь эвристической необходимостью. Ни одна из них, взятая отдельно, фактически не работоспособна. Они функционируют, лишь будучи погружены в некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями. Такой континуум мы, по аналогии с введенным В. И. Вернадским понятием биосферы, называем семиосферой (Лотман, 1984, с. 5–6).

В работах Ю. М. Лотмана и Вяч. Иванова наблюдается и отход от рассмотрения естественного языка как прототипической знаковой системы. Отсюда их интерес к правополушарным недискретным механизмам обработки информации, как и к ряду других иконических недискретных типов семиозиса (ср.: Лотман, 2022). Тогда были намечены контуры новой семиотики, во многом уже реализованные². Поэтому не замечать всего этого и возвращаться к ситуации 1966 года по крайней мере малопродуктивно. Однако, поскольку вопрос о методе и объекте семиотики так и не стал предметом широкой дискуссии (по крайней мере, в рамках Московско-Тартуской школы), имеет смысл к нему обратиться.

2

Начнем с вопроса: есть ли у семиотики объект исследования? Вынуждены дать ответ, который может показаться и тривиальным, и тавтологичным. Объект семиотики — это знак. Знаки появляются не потому, что лингвисты могут описать нечто как знак, а потому, что люди, звери и даже биомолекулы используют (интерпретируют, описывают) некоторые объекты как знаки, то есть как некоторое отношение. И. И. Ревзин был прав, утверждая, что семиотика сама формирует свой объект. Другое дело, что это не та семиотика, которая есть научная дисциплина, а

---

² О широте и разнообразии современной семиотики может дать представление опубликованная в 2022 г. четырехтомная антология «Bloomsbury Semiotics». URL: <https://www.bloomsbury.com/uk/bloomsbury-semiotics-9781350139442> (дата обращения: 12.04.2023).

та, которая есть процесс установления знаковых отношений, то есть семиозис. В отличие от молекул или галактик, знаки как таковые не существуют, они возникают, когда между двумя объектами устанавливается некоторое отношение, и один из них становится означающим, а другой — означаемым. Все, что может быть интерпретировано как знак, есть знак — так может быть в упрощенной форме сформулирован основной принцип семиотики Пирса. Объект семиотики (как науки) — это семиотика (как явление знаковости) в ее различных манифестациях (знак, знаковая система, текст, семиосфера). Возникает ситуация, когда предметом семиотики может стать все или ничего (ср.: Бенвенист, 1974, с. 71). Но это не влечет того, что, как считал Бенвенист, возражая Пирсу, теряется разница между знаком и не-знаком. Учитывая динамический характер семиозиса, знаки следует рассматривать не как объекты из заданного словаря, а как процессы. Знак, как и язык — используя многократно цитируемую, но не столь часто реализуемую формулу Гумбольдта, — это энергия, а не эргон. Поэтому для семиотики столь важно обращение к текстам и контекстам — то есть к семиозису или даже семиопойзису. Это именно тот существенный пункт, где семиотика может дополнить лингвистику. Социальная семиотика и поэтическая семантика демонстрируют, хотя и с разных позиций, то, что еще не в полной мере осознано в лингвистике: говорящий всякий раз порождает новые знаки, и его деятельность — это не воспроизведение знаков, а знакопорождение, — как это было предложено в социальной семиотике³.

С другой стороны, биосемиотика и молекулярная генетика предоставляют уникальную возможность уяснить логику внутренних закономерностей семиозиса и убедиться в том, что знакопорождение — это не прихоть исследователя или говорящего, а имманентное свойство системы управления информационными процессами. Они могут вовсе не предполагать обладающего сознанием субъекта. Как было показано молекулярными генетиками, знаковые отношения (или отношения интерпретации) могут наблюдаться уже на молекулярном уровне, когда интерпретанта и интерпретатор могут совпадать ((Prodi, 1988; Barbieri, 2008), из последних работ: (Deacon, 2021)).

Но почему применительно к лингвистике никто не задавался вопросом: а есть ли у нее объект исследования? (Обходим стороной смежный вопрос — насколько этот объект формируется самим аппаратом лингвистики?) Возможна причина скорее психологическая — знаки языка воспринимаются как изначально данные, отсюда и расхожее определение языка как грамматики и словаря.

Теперь что касается тавтологичности определения *знак есть знак* или, в развернутой форме, *знак есть то что функционирует (интерпретируется, порождается, описывается) как знак*. Тавтологичность подобных определений мнима, они скорее рекурсивны, поскольку в позиции субъекта *знак* относится к языку-объекту, а второе, предикативное

³ Такое понимание знака как всякий раз творимого в процессе коммуникации было предложено в социальной семиотике, первоначально заявившей о себе как об антисемиотике по отношению к сосюррианской (Hodge, Kress, 1988, p. 15).

вхождение — это единица метаязыка. Но при этом уже первое употребление слова «знак» также оказывается зависимым от метаязыка⁴. Представляется, что речь должна идти о двух уровнях метаязыкового употребления слова *знак*. Первый — это уровень наблюдения и оперирования знаками, а второй — уровень описания того, чем мы оперируем как знаками. Что есть знак — это одновременно и вопрос практик использования чего-либо как знака, и вопрос семиотической теории, описывающей это нечто как знак. При этом особенность семиотического поведения именно в том, что система, использующая знаковые системы, должна включать в себя систему наблюдения и описания своих операций (см. системную теорию Никласа Лумана, реализовавшего кибернетический подход Форстера и Кауфмана; ее приложение к теоретической лингвистике дано в: (Золян, 2021)). Применительно к лингвистике на это указывал еще Ельмслев: всякое использование знака-как-объекта предполагает некоторую ненаучную метасемиотику. Рекурсивны не только механизмы оперирования знаками, но и сами знаки — поскольку определяют сами себя в процессе операций над ними как знаки знаков знаков (*Signs About Signs About Signs* (Morris, 1948)). Возникают хорошо известные в теоретической кибернетике *само-формы*, так называемые «эйгены»: формы AA (A) = $A(A)$ = A (Kaufman, 2003; 2020; см. также: Gasparyan, 2018; 2020). В том числе и такие: *Слово «знак» есть знак для слова русского языка «знак»*. Слово «Знак» есть и обозначение знака, и само является знаком:

Так начинается непрерывный процесс семиозиса, и это единственно возможный, хотя и парадоксальный способ обоснования семиотики своими собственными средствами. *Языком в таком случае следовало бы называть систему, которая объясняет сама себя путем последовательного разворачивания все новых и новых конвенциональных систем* (Эко, 1998, с. 53).

3

Второй вопрос: есть ли у семиотики метод? А если у нее нет метода, то откуда этот метод появился в лингвистике? Комментируя свое определение, И. И. Ревзин вынужден дать следующий комментарий:

Это определение предполагает, что естественный язык всегда (скажем, и во времена Платона или святого Августина) был предметом семиотики, но после того, как возникли современные (структурные) методы описания предмета семиотики (пока единственного, т. е. естественного языка), по-

⁴ Знаки, которые используются в семиотических процессах, и знаки как понятие семиотики — это различные объекты. На это указывал еще Ч. Моррис, и он же отмечал, что трудно избежать этого смешения. Ср: «Очень важно видеть различие между отношениями, присущими данному знаку, и знаками, которые мы используем, когда говорим об этих отношениях... Для констатации фактов о знаках семиотика как наука пользуется особыми знаками, это некий язык, на котором можно говорить о знаках... Термин “знак” — это термин семиотики в целом; его невозможно определить в пределах одной лишь синтактики, семантики или прагматики» (Моррис, 1983, с. 43–44).

явилась возможность возникновения новых предметов семиотики. По-видимому, понятие знаковой, или знаково-моделирующей системы есть понятие вторичное: после того, как исследователь убеждается, что его объект хорошо описывается совокупностью приемов и представлений современной лингвистики, он объявляет его знаковой системой (Ревзин, 1971, с. 335).

Возникает вопрос — каким образом сам язык был объектом семиотики во времена Платона и Августина, когда *методы описания предмета семиотики* появились только в XX веке? Ситуация напоминает эпизод из «Братьев Карамазовых». Если верить Достоевскому, мальчиком Смердяков задал учившему его Закону Божьему Григорию вопрос:

— Свет создал господь бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый день. Откуда же свет-то сиял в первый день?

Григорий остолбенел. Мальчик насмешливо глядел на учителя. Даже было во взгляде его что-то высокомерное. Григорий не выдержал. «А вот откуда!» крикнул он и неистово ударил ученика по щеке (Достоевский, 1958, с. 158).

Если язык есть знаковая система, то и описан он должен быть как знаковая система, тогда откуда мог появиться метод до описания языка? Но, как видим, лингвисты (по крайней мере, советские структуралисты) оказались в лучшем положении, чем Григорий, — они вполне могли сказать «А вот откуда!» — и вместо звонкой затрешины вопрошающему указать на Соссюра, Якобсона и Трубецкого⁵. Под методом в первую очередь понимался лингвистический структурализм и даже более узко — метод бинарных оппозиций (см. цитированные статьи Ревзина и Пятигорского). Но тогда мы убедимся, что у Соссюра можно найти именно те самые вопросы, которыми маленький Смердяков смутил своего учителя:

Почему же семиология еще не признана самостоятельной наукой, имеющей, как и всякая другая наука, свой особый объект изучения? Дело в том, что до сих пор не удается выйти из порочного круга: с одной стороны, нет ничего более подходящего для понимания характера семиологических проблем, чем язык, с другой стороны, для того чтобы как следует поставить эти проблемы, надо изучать язык как таковой... (Соссюр, 1977, с. 54).

И сам Соссюр предложил прямо противоположное решение:

Лингвистика — только часть этой общей науки: законы, которые открывает семиология, будут применимы и к лингвистике, и эта последняя, таким образом, окажется отнесенной к вполне определенной области в совокупности явлений человеческой жизни.

---

⁵ Приведу показательный эпизод: когда в 1976 году я был на стажировке у Ю.М. Лотмана, то его совет был — как можно меньше читать книг по теории культуры и семиотике и как можно больше изучать источники. Что же касается методологии, то, по словам Лотмана, она дана в фундаментальных работах по лингвистике (подробнее см.: Золян, 2022).

...задача лингвиста сводится к выяснению того, что выделяет язык как особую систему в совокупности семиологических явлений... если нам впервые удастся найти лингвистике место среди наук, то это только потому, что мы связали ее с семиологией. <...>

Для нас же проблемы лингвистики — это прежде всего проблемы семиологические... Кто хочет обнаружить истинную природу языка, должен прежде всего обратить внимание на то, что в нем общего с иными системами того же порядка... (Соссюр, 1977, с. 54–55).

Так, в самом деле, можно понять, как и почему, обращаясь к языку, Платон и Августин тем самым ковали семиотический метод.

4

Ситуацию можно довести до абсурда — если, обосновывая наличие у семиотики объекта, мы тем самым отрицали бы наличие такового за лингвистикой, а всех лингвистов причислили бы к стихийным семиотикам. Тем более что Платон, судя по «Кратилу», был скорее семиотиком, нежели лингвистом. А лингвистику, ссылаясь на авторитет Соссюра, назвали бы программой описания языка как знаковой системы. Но в том-то и дело, что знаковые системы можно изучать не ориентируясь на модели естественного языка, а естественный язык можно описывать и вне семиозиса:

Это означает, что языки не могут описываться как чисто знаковые системы. По цели, обычно приписываемой им, они прежде всего знаковые системы; но по своей внутренней структуре они прежде всего нечто иное, а именно — системы фигур, которые могут быть использованы для построения знаков. Определение языка как знаковой системы при ближайшем рассмотрении показало себя неудовлетворительным. Оно затрагивает только внешнюю функцию языка, его отношение к внелингвистическим факторам, окружающим его, но не его собственные, внутренние функции (Ельмслев, 2006, с. 70).

Очевидно, что внешние цели (функции) не могут не затрагивать и внутреннюю структуру, систему *фигур*. И это относится не только к языку, но и к любой знаковой системе, почему и список частных семиотик не может быть замкнут — любая область (театр, право, истории медицины, флора и фауна и т. п.) есть особая дисциплина, включая даже такие, как фитосемиотика (изучающая растения и источаемые ими запахи) или же микосемиотика (изучающая грибы). Но это вовсе не исключает того, что семиотика права развивается в рамках семиотики и своим существованием никоим образом не отменяет правоведения.

Здесь возникает проблема, намеченная А. Ц., но не до конца им раскрытая. Любой не-знаковый объект может быть описан как знак и знаковая система (поскольку всё есть знак, что может быть интерпретировано как знак). Соответственно, любой объект может быть описан посредством лингвистических методов. Но существенно то, что описа-

ние не-знаков как знаков, — например, «кольт» как символ американской культуры, чахотка как дискурсивная практика романтизма и т. п., — не может отменить их не-знаковых функций и характеристик⁶.

Справедливо и обратное. Может ли быть несемiotичным изучение языкового знака? Казалось бы, при такой постановке вопроса очевидно противоречие в терминах. Тем не менее возможен и положительный ответ. Помимо указанного Ельмслевом подхода, сосредоточенного на внутренних механизмах осуществления знаковой функции, языковой знак можно изучать как не-знак. Он может быть рассмотрен как физический сигнал, конфигурация нейронов, двигательный механизм артикуляции и т. п. Можно разграничить, как и предлагал Соссюр, внутреннюю и внешнюю лингвистику или, перенеся изучение с функционирования языка в обществе на язык как многомодульную систему, соответственно разграничить широкую и узкую языковую способность⁷.

Есть еще один аспект, осложняющий ситуацию. Знаки языка могут стать элементами иной знаковой системы, но это будет не вторичная моделирующая система, равно как и не коннотативная или метаязыковая «научная» или «ненаучная» семиотика (если воспользоваться терминами Ельмслева (2006, с. 140)). В отличие от этих случаев, знаки языка перестают быть знаками и становятся объектами — следами чернил на бумаге, звуковыми волнами и т. п. В этом качестве, как и любой другой объект, они могут быть интерпретированы как означающие некоторой системы, не имеющей к языку какого-либо отношения. Так, для графолога почерк выступает как законотворитель эмоционального состояния пишущего, для криминалиста голос — как средство опознания и т. п. При решении подобных задач используют языковые элементы, но не в качестве элементов языка. Нелингвистическое понимание естественного языка может иметь место, даже когда исследуются языковые феномены — например, исследование памяти, распознавание речи или современные процедуры машинного перевода.

⁶ Ср. с нарочитым доведением до абсурда практик переноса лингвистических методов на несемiotические функции: «Например, предположим, что я звоню своему автомеханику, чтобы узнать, починил ли он карбюратор; или я звоню врачу, чтобы узнать результаты о моем последнем медицинском обследовании. Теперь предположим, что мне попался автомеханик-деконструктивист, и он попытается объяснить мне, что карбюратор является текстом, и поэтому говорить можно только лишь о текстуальности этого текста (*textuality of the text*). Или предположим, что я обратился к врачу-постмодернисту, и тот объяснит мне, что болезнь по существу является метафорической конструкцией». (Searle, 1993, p. 81). Сёрль явно намекает на максимум Жака Деррида «Нет ничего вне текста» (из «Грамматологии») и монографию Сюзан Зонтаг «Болезнь как метафора».

⁷ Ср.: «Следует проводить различие между языковой способностью в широком смысле (FLB) и в узком смысле (FLN). FLB включает в себя сенсорно-моторную систему, концептуально-интенциональную систему и вычислительные механизмы рекурсии, обеспечивающие способность генерировать бесконечный диапазон выражений из конечного набора элементов. Мы предполагаем, что FLN включает в себя только рекурсию и является единственным уникальным человеческим компонентом способности языка» (Hauser, Chomsky, Fitch, 2002, p. 1569).

Возможна и обратная ситуация. Так, можно изучать и вторичные моделирующие системы лингвистическими методами, но вовсе не делая их объектами семиотического анализа. Например, при исследовании языка фольклора: фольклор выступает лишь как некоторый ресурс, из которого лингвист черпает факты для описания механизмов языка. И это не соприкасается с изучением фольклора как знаковой системы. Некоторая упорядоченная последовательность языковых символов (текст) может описываться не как манифестация некоей отличной от языка знаковой системы, а как эмпирический материал для исследования языковых феноменов (вспомним мириады диссертаций: «язык и стиль писателя», «творительный падеж в прозе Пушкина», «метафоры в публицистике Ленина» и т. п.). Даже изучение самих языковых знаков не обязательно будет семиотическим: так, применительно к языку нетрудно представить лексикологическое исследование, которое тем не менее не будет исследованием семиотики языка, поскольку объектом станет не само означивание лексических единиц, а внутрисистемные отношения между ними.

Тем самым вырисовывается дихотомия: семиотическому изучению языка (того, что в нем существенно с точки зрения его организации как знаковой системы) может быть и сопоставлено, и противопоставлено лингвистическое (что, что в языке существенно с точки зрения его внутренней организации). То же самое может относиться к любым другим знаковым системам (напр., семиотика кино и киноведение, наука о грибах (микология) и микосемиотика). Разумеется, между ними будут существовать различные переходные зоны, и потому четкая категоризация и разграничение вряд ли возможны. Даже если ограничиться механизмами языка, введение в исследовательский оборот широко понимаемой языковой способности ставит серьезные проблемы: где кончается узкое понимание и начинается широкое.

5

Как видим, прямая экстраполяция лингвистического метода еще не есть семиотика. Безусловно, плодотворное развитие советской семиотики было бы невозможным, если бы она в самом деле следовала сформулированной И. И. Ревзиным аксиоматике, отрицавшей у нее наличие как объекта, так и метода. Остается предположить, что было нечто, оставшееся имплицитным, что тем не менее обеспечило место Московско-Тартуской школы среди других ведущих направлений семиотики (главным достижением принято считать концепцию вторичных моделирующих систем и перенос анализа со знака на текст). Видимо, имелась в виду транспозиция методов семиотического изучения языка (в духе Соссюра), которые в этом процессе существенно видоизменялись и кристаллизировались (например, метод бинарных оппозиций у К. Леви-Стросса). При этом существенным оказывалось установление конгруэнтности между естественным языком и описываемыми системами

как необходимого условия самой возможности подобного описания. Здесь уместно сослаться на дискуссию между двумя выдающимися учеными относительно изоморфизма языка и генетического кода:

Р. Якобсон и я несколько раз обсуждали эту проблему, не придя к единому мнению. В нашем споре Якобсон всегда отдавал предпочтение второй гипотезе: строгая связь между двумя системами обусловлена отношениями родства; я, со своей стороны, придерживаюсь первой: аналогичные функции предписывают аналогичные ограничения (Жакоб, 1992, с. 137).

Выявление этого изоморфизма, по мнению открывшего информационную РНК генетика, оказало существенное воздействие на понимание генетических процессов⁸. Аналогичное имело место и при других экстраполяциях. Поэтому единообразный подход Московско-Гартуской школы — будь то семиотический, или лингвистический, с акцентированием в одном случае внешних функций, в другом — внутренних механизмов, — привел к достижению ряда значительных результатов в области гуманитарного знания.

6

Заклучая, вынуждены ограничиться трюизмом: на вопрос о соотношении лингвистики и семиотики нет однозначного ответа — есть комбинация возможностей. Крайними полюсами будет позиция, которую можно назвать лингвистическим империализмом, которая объявляет объектом лингвистики все те сферы, где используется язык, и в качестве своих доминионов — все те системы, которые могут быть описаны как язык. Другим полюсом будет лингвистический изоляционизм, где объектом будут исключительно внутренние механизмы (преимущественно рекурсии). И то, и другое приемлемо — если эти позиции не переходят в агрессивный обскурантизм. Но значимых результатов следует ожидать там, где имеет место рассмотрение взаимодействия внутренних функций и внешних механизмов: что мы и видим в описательной части статьи А.Ц.

Данное исследование было поддержано из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта.

Список литературы

- Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с франц. ; ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. М., 1974.
Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Собр. соч. М., 1958. Т. 9.
Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М., 2006.

⁸ Ср.: «Если лингвистическая модель доказала свою исключительную ценность при молекулярном анализе наследственности, то это, возможно, потому, что она в равной степени применима как к структуре, так и к функциям генетической материи» (Жакоб, 1992, с. 140).

Жакоб Ф. Лингвистическая модель в биологии // Вопросы языкознания. 1992. №2. С. 135–143.

Золян С. Т. Как примирить Лумана с Соссюром: принцип внутрисистемной дифференциации как основа неоструктуралистского подхода // Вопросы языкознания. 2021. №1. С. 121–141. doi: 10.31857/0373–658X.2021.1.121–141.

Золян С. Т. Юрий Лотман: о проблемах языка и языкознания // Вопросы языкознания. 2022. №1. С. 106–119. doi: 10.31857/0373–658X.2022.1.106–119.

Лотман Ю. М. О семиосфере // Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Тарту, 1984. (Труды по знаковым системам. Вып. 17.) С. 5–23.

Лотман Ю. М. Доклад 13 марта 1981 года в Тартуском государственном университете // Слово. ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №2. С. 10–23.

Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика / сост., вступ. ст., общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 37–89.

Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М., 2000.

Пятигорский А. М. Заметки из 90-х о семиотике 60-х годов // Ю. М. Лотман и Московско-Тартуская школа / сост. А. Д. Кошелев. М., 1994. С. 324–329.

Ревзин И. И. О субъективной позиции исследователя в семиотике // Труды по знаковым системам V. Тарту, 1971. (Ученые записки университета. Вып. 266.) С. 334–344.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

Циммерлинг А. В. Конкретно: синтактика без семиотики // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 125–153. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-9.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.

Barbieri M. The Code Model of Semiosis: The First Steps Toward a Scientific Bio-semiotics // The American Journal of Semiotics. 2008. Vol. 24, №1–3. P. 23–37.

Deacon T. W. How Molecules Became Signs // Biosemiotics. 2021. Vol. 14. P. 537–559. doi: 10.1007/s12304-021-09453-9.

Gasparyan D. E. Language as Eigenform: Semiotics in the search of a meaning // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. 2018. Vol. 34, №4. P. 474–492. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2018.402>.

Gasparyan D. E. Semiosis as Eigenform and Observation as Recursive Interpretation // Constructivist Foundations. 2020. Vol. 15, №3. P. 271–279.

Hauser M., Chomsky N., Fitch W. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? // Science. 2002. Vol. 298, №5598. P. 1569–1579. doi: 10.1126/science.298.5598.1569.

Hodge R., Kress G. Social Semiotics. Cambridge, 1988.

Kauffman L. H. Eigenforms – Objects as Tokens for Eigenbehaviors // Cybernetics and Human Knowing. 2003. Vol. 10, №3–4. P. 73–90.

Kauffman L. H. What Lies Beyond Language? // Constructivist Foundations. 2020. Vol. 15, №3. P. 282–283.

Morris Ch. Signs About Signs About Signs. // Philosophy and Phenomenological Research. 1948. Vol. 9, №1. P. 115–133.

Prodi G. Material Bases of Signification // Semiotica. 1988. Vol. 69, №3–4. P. 191–242. doi: <https://doi.org/10.1515/semi.1988.69.3-4.191>

Searle J. R. Rationality and Realism, What Is at Stake? // Daedalus. 1993. Vol. 122, №4. P. 55–83.

Zolyan S. Language // The Companion to Juri Lotman: A Semiotic Theory of Culture / ed. by M. Tamm, P. Torop. L., 2021. P. 123135. doi: <http://dx.doi.org/10.5040/9781350181649.0016>.

Об авторе

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4422-5792

Для цитирования:

Золян С. Т. Откуда же метод берется? О самодостаточности семиотических объектов // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 137–152. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-8.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

WHERE DOES THE METHOD COME FROM? ON THE SELF-SUFFICIENCY OF SEMIOTIC OBJECTS

S. T. Zolyan

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on 05.03.2023

Accepted on 29.04.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-8

The article aims to illustrate the inadequacy of viewing semiotics as a mere extension of linguistic methods applied to non-linguistic objects. It highlights the dual and recursive nature of semiotic terms. Semiotics' objects are not independent signs but rather the processes involved in establishing sign relations, specifically semiosis and semiopoiesis. Given the dynamic character of semiosis, signs should not be regarded as fixed objects from a predefined vocabulary; instead, they should be seen as ongoing processes. This underscores the significance of referencing texts and contexts within semiotics. This aspect is crucial as it is where semiotics can complement linguistics effectively.

Social semiotics and poetic semantics, from different vantage points, demonstrate that the speaker's activity is not merely the reproduction of signs but the generation of them. Conversely, biosemiotics and molecular genetics offer insights into comprehending the internal laws of semiosis, affirming that sign generation is an inherent property of information systems and need not always involve a conscious subject. Simultaneously, linguistic descriptions can take various directions, focusing either on describing significative functions external to the system or on internal relationships within the system.

Keywords: Saussure, Lotman, Hjelmslev, Revzin, Zimmerling, semiotics in relation to linguistics, semiosis, sign

The research was supported by the Strategic Academic Leadership Programme "Priority 2030" of the Immanuel Kant Baltic Federal University.

References

Barbieri, M., 2008. The Code Model of Semiosis: The First Steps Toward a Scientific Biosemiotics. *The American Journal of Semiotics*, 24 (1–3), pp. 23–37, <https://doi.org/10.5840/ajs2008241/33>.

Benveniste, É., 1974. *Obshchaya lingvistika* [Problèmes de linguistique Générale]. Translated and ed. by Yu.S. Stepanov (in Russ.).

Deacon, T. W., 2021. How Molecules Became Signs. *Biosemiotics*, 14, pp. 537–559, <https://doi.org/10.1007/s12304-021-09453-9>.

Dostoevsky, F. M., 1958. The Brothers Karamazov. In: *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vol. 9. Moscow (in Russ.).

Eco, U., 1998. *Otsutstviyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Missing structure. Introduction to Semiology]. Moscow (in Russ.).

Gasparyan, D. E., 2018. Language as Eigenform: Semiotics in the search of a meaning. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 34 (4), pp. 474–492, <https://doi.org/10.21638/spbu17.2018.402>.

Gasparyan, D. E., 2020. Semiosis as Eigenform and Observation as Recursive Interpretation. *Constructivist Foundations*, 15 (3), pp. 271–279.

Hauser, M., Chomsky, N. and Fitch, W., 2002. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? *Science*, 298 (5598), pp. 1569–1579, <https://doi.org/10.1126/science.298.5598.1569>.

Hjelmslev, L. T., 2006. *Prolegomeny k teorii yazyka* [Prolegomena to the theory of language]. Moscow (in Russ.).

Hodge, R. and Kress, G., 1988. *Social Semiotics*. Cambridge: Polity.

Jacob, F., 1992. The linguistic model in biology. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2, pp. 135–143 (in Russ.).

Kauffman, L. H., 2003. Eigenforms – Objects as Tokens for Eigenbehaviors. *Cybernetics and Human Knowing*, 10 (3–4), pp. 73–90.

Kauffman, L. H., 2020. What Lies Beyond Language? *Constructivist Foundations*, 15 (3), pp. 282–283.

Lotman, Yu. M., 1984. On semiosphere. *Trudy po znakovym sistemam. 17: Struktura dialoga kak printsip raboty semioticheskogo mekhanizma* [Sign Systems Studies. 17: Dialogue structure as a principle of operation of the semiotic mechanism]. Tartu, pp. 5–23 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 2022. Lecture at Tartu State University, March 13, 1981. *Slovo.ru: Baltic accent*, 13 (2), pp. 10–23 (in Russ.).

Morris, Ch., 1948. Signs About Signs About Signs. *Philosophy and Phenomenological Research*, 9 (1), pp. 115–133.

Morris, Ch. W., 1983. Foundations of the Theory of Signs. In: Yu. S. Stepanov, ed. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, pp. 37–89 (in Russ.).

Peirce, Ch. S., 2000. *Izbrannyye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow (in Russ.).

Prodi, G., 1988. Material Bases of Signification. *Semiotica*, 69 (3–4), pp. 191–242, <https://doi.org/10.1515/semi.1988.69.3-4.191>.

Pyatigorsky, A. M., 1994. Notes from the 90s about the semiotics of the 60s. In: A. D. Koshelev, ed. *Yu. M. Lotman i Moskovsko-Tartuskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Moscow-Tartu school]. Moscow, pp. 324–329 (in Russ.).

Revzin, I. I., 1971. On Subjectivity in Semiotics. *Trudy po znakovym sistemam. 5. Uchenyye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Sign Systems Studies. 5. Scientific letters of The University of Tartu.], 266. Tartu, pp. 334–344 (in Russ.).

Saussure, F. de, 1997. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Cours de linguistique Générale]. Moscow (in Russ.).

Searle, J. R., 1993. Rationality and Realism, What Is at Stake? *Daedalus*, 122 (4), pp. 55–83.

Zimmerling, A. V., 2023. Really: syntactics without semiotics? *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (3), pp. 125–153, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-3-9> (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2021a. How to reconcile Luhmann with Saussure: The principle of intrasystemic differentiation as a basis for a neo-structuralist approach. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 121–141, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.1.121-141> (in Russ.).

Zolyan, S., 2021b. Language. In: M. Tamm and P. Torop, eds. *The Companion to Juri Lotman: A Semiotic Theory of Culture*. London: Bloomsbury Academic, pp. 123–135, <http://dx.doi.org/10.5040/9781350181649.0016>.

Zolyan, S. T., 2022. Yuri Lotman: On problems of language and linguistics. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 106–119, <http://dx.doi.org/10.31857/0373-658X.2022.1.106-119> (in Russ.).

The author

Dr. Suren T. Zolyan, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4422-5792

To cite this article:

Zolyan, S. T., 2023, Where does the method come from? On the self-sufficiency of semiotic objects, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 4, pp. 137–152. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-8.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))